

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.2.020
УДК 811.512.141'373.23 + 930.24 +
+ 398.1 + 81:39

Ф. Г. Хисамитдинова
Институт истории, языка и литературы
УНЦ РАН
Уфа, Россия

ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ БАШКИР (на материале «Формулярного списка о службе чиновников и урядников 9-го башкирского кантона за 1837 год»)

В статье на материале исторической антропонимии рассматриваются вопросы, связанные с мифологией личных имен башкир. Источником личных имен послужил документ, называемый «Формулярный список о службе чиновников и урядников 9-го башкирского кантона за 1837 год». Всего рассмотрено более 40 000 личных имен и фамилий XVIII–XIX вв. Основное внимание уделено антропонимам, содержащим мифологически маркированные элементы, которые отражают древнейшие религиозные воззрения башкир. Анализ антропонимического материала позволил выявить представления древних башкир о богах и божествах как доисламской эпохи, так и периода после принятия ислама. Автором выявлены взгляды, связанные с древнебашкирским верховным богом *тәңре* 'тенгри', описаны в сравнительном плане представления о богах *хозай* 'худай', *алла* 'аллах', а также *көн / кояш* 'солнце', *ай* 'луна' и др. Извлеченный из письменного источника антропонимический материал позволил раскрыть специфику цветообозначений *ак* 'белый' и *кара* 'черный' в составе личных имен. Они связаны с представлениями о чистоте, святости, силе, твердости, а также выполняют обережную функцию. В башкирской антропонимии нашли отражение мифологические представления о металлах. Например, *алтын* 'золото' ассоциируется с верхним миром, миром солнца, неба. В именнике башкир XVIII–XIX вв. зафиксировано множество имен, связанных с тотемными животными, птицами, деревьями и другими растениями, которые давались, чтобы защитить ребенка от злых сил. Кроме этого, именник башкир XVIII–XIX вв., извлеченный из формулярных списков, содержит сведения о временных и пространственных представлениях башкир.

© Хисамитдинова Ф. Г., 2016

Ключевые слова: башкирский язык, историческая антропонимия, мифология древних башкир, формулярные списки, мифологизированная лексика.

В башкирском языкознании антропонимическая система считается более или менее изученной. Действительно, имеются посвященные ей монографии, словари, кандидатские диссертации, статьи [см.: Кусимова, 1991; Кусимова, Бикколова, 2010; Сулейманова, 2006; Азнабаева, 2006; Тупеев, 2004; Төпәев, 2008; Хисамитдинова, Төпәев, 2006; Раемгужина, 2009].

Однако сразу же следует отметить, что большинство работ по антропонимии башкир основано на современных материалах загов, справочников, анкет-опросников, художественной и публицистической литературы, отдельных произведений башкирского фольклора. Лишь в некоторых работах в качестве фонового или сравнительного материала привлекается антропонимия отдельных письменных источников (чаще всего материалы родословных — шежере) [Кусимова, 1991]. В этих исследованиях, к сожалению, не изучается обширный материал письменных источников XVIII–XIX вв. Между тем именно эта эпоха характеризуется, во-первых, массовым проникновением антропонимов в письменные источники, во-вторых, появлением существенных изменений в именнике башкир, в-третьих, началом складывания трехступенчатой (имя — отчество — фамилия) антропонимической формулы не только у башкир, но и других нерусских народов России. В то же время, судя по письменным источникам, антропонимическая система XVIII–XIX вв. в основном сохранила древнебашкирский именник, что дает возможность проследить древнейшие мифологические воззрения народа, отраженные в его личных именах. Эти соображения и обусловили наше обращение к данной проблеме. Объектом исследования в статье является башкирская антропонимия, извлеченная из документа под названием «Формулярный список о службе чиновников и урядников 9-го башкирского кантона за 1837 год» [Ильясова, Гатиатуллин, 2012–2014], с точки зрения отражения в ней мифологических воззрений башкирского народа.

Формулярные (послужные) списки представляют собой способ систематического и регулярного учета российского военного и гражданского чиновничества, существовавший с середины XVIII в. до 1917 г. В формах учета имеются следующие графы: «чин, имя, фамилия, должность, сколько от роду лет, из какого звания происходит, когда в службу поступил, какие чины, должности в оной имел, чем, кроме чинов, был награжден, какого вероисповедания, сведения об образовании, семейное положение» и др., которые из года в год совершенствовались и дополнялись [Ильясова, Гатиатуллин, 1, 5]. Таким образом, формулярные списки являлись в то время основным документом, отражающим служебный статус каждого офицера, чиновника или лица, служившего по выбору.

Формулярные списки чиновников и военных башкиро-мещерякского войска — иррегулярного воинского формирования (1798–1865 гг.) на территориях

Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской губерний (численность войска в 1834 г. составляла 387 000 башкир [Ильясова, Гатиатуллин, 1, 9]) — несколько отличались от общероссийских. Они составлялись по форме, утвержденной для служащих учреждений. Поэтому в рассматриваемом нами документе представлены следующие графы: «1) чин, имя, отчество, прозвание, фамилия; 2) сколько от роду лет; 3) из какого звания; 4) есть ли за ним, родителями, женами недвижимое имение; 5) в службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда; 6) в течение службы в каких полках, батальонах находился; 7) в каких походах участвовал и какие награды получил; 8) российской и другой грамоте обучен или нет; 9) был ли в отпусках, когда, сколько; 10) в штрафах был ли по суду или без суда, за что и когда; 11) семейное положение (жены, дети, их имена, возраст); 12) достоин ли к повышению или нет» [Там же, 10].

Как уже говорилось выше, формулярные списки о службе военных и гражданских чиновников из башкир содержат богатый фактический материал не только по истории башкир и башкирского края, но и по ономастике, особенно по башкирской антропонимии. В указанных документах представлен огромный материал: имена, фамилии, отчества, прозвища башкир. Башкирских кантонов в то время было 12. Нами взят материал только 9-го кантона. Выбор этого кантона обусловлен тем, что он являлся одним из самых крупных в Оренбургской губернии. Основным его населением были башкиры. Отсутствие иноязычного населения, а также ведение башкирами кантона полукошачевого скотоводства способствовали сохранению у этой группы древнего именника.

Антропонимический материал 9-го башкирского кантона за 1837 г. — это корпус из 42 071 антропонима, включающий личные имена, отчества, фамилии, сокращенные имена военных и чиновников, а также их жен и детей. Для данного исследования взяты только те антропонимы, которые содержат мифологически маркированные элементы.

В первой группе представлены антропонимы, включающие в свой состав имена башкирских богов и божеств, а также близкие им антропонимы, связанные с небесными телами, атмосферными явлениями, в целом с космосом: *алла* ‘аллах’, *хозай* ‘худай’, *тәңре* ‘тенгри’; *кояш* / *көн* ‘солнце’, *ай* ‘луна’ и др. Ко второй группе мифологически маркированных личных имен, извлеченных из формулярных списков 9-го башкирского кантона, можно отнести антропонимы, включающие в свой состав мифологизированные цветообозначения: *ак* ‘белый, светлый, чистый, священный’, *кара* ‘черный, сильный, прочный, настоящий, темный, злобный’. В третью группу входят антропонимы, содержащие названия мифологизированных металлов: *алтын* ‘золото’, *көмөш* ‘серебро’, *ез* ‘латунь, желтая медь’, *тимер* ‘железо’ и др. Четвертую группу составляют антропонимы, включающие имена тотемных предков башкир (животных и растений): *буре* ‘волк’, *айыу* ‘медведь’, *имән* ‘дуб’ и др. Пятая группа содержит имена и фамилии, отражающие представления народа

о времени и пространстве. Это антропонимы, восходящие к лексемам *төн* ‘ночь’, *йома* ‘пятница’, *юл* ‘дорога’ и др.

Рассмотрим более подробно все пять групп.

1. Антропонимы, связанные с теонимами башкир. К данной группе в первую очередь относятся антропонимы с компонентами *алла* ‘аллах’, *хозай* ‘худай / кудай’ и *тәңре* ‘тенгри’¹, имеющими значение ‘верховный бог’. Ср.: *Кульмухамет Аллабердин* — от *алла* ‘аллах’ и *бирзе* ‘дал’; *Масягут Алламуратов* — от *алла* ‘аллах’ и *морат* ‘желанный богом, Аллахом’; *Токтамыш Худайбердин сын* — от *хозай* ‘худай’ и *бирзе* ‘дал’; *Алтынбай Худайшукуров* — от *хозай* ‘худай’ и *шөкөр* ‘слава худая’; *Давлетшиа Тангрыбердин* — от *тәңре* ‘тенгри’ и *бирзе* ‘дал’ и др.

Из перечисленных компонентов для башкирской мифологической лексики наиболее поздним является *алла-* ‘аллах’ — слово арабского происхождения, связанное с мусульманской мифологией, с именем верховного бога *Аллаха*. Следует отметить, что этот компонент в составе башкирских антропонимов представлен широко, несмотря на активную смену имен в советскую атеистическую эпоху. Ср. фамилии современных башкир: *Аллаяровы* (от *Аллайр* ‘друг, спутник, любимец аллаха’), *Аллагуватовы* (от *Аллагуват* ‘сила, мощь аллаха’), *Аллагуловы* от *Аллагул* ‘раб аллаха’), *Аллабердины* (от *Аллабирде* ‘данный аллахом’), *Аллагужины* (от *Аллагужа* ‘принадлежащий аллаху’), *Алламуратовы* (от *Алламурат* ‘желанный аллахом’) и др.

В отличие от слова *алла*, пришедшего в тюркские языки из арабского, лексема *хозай* ‘худай / кудай’ имеет иранское происхождение. В башкирском и в ряде других тюркских языков оно употребляется в значении ‘божество верхнего мира’ и является синонимом теонима *Аллах*. Компонент *хозай* ‘худай’ довольно активен в антропонимии башкир XIX в. Ср.: *Худайбердин* (от *Худайбирде* ‘данный худаям, богом’) *Гайса*, *Худайгулов* (от *Худайгул* ‘раб худая, бога’) *Токтамыш*, *Худайназаров* (от *Худайназар* ‘взгляд худая, бога’) *Ирназар*, *Худайшукуров* (от *Худайшукур* ‘благодарение худая, богу’) *Алтынбай* и др. Этот компонент встречается и в современной антропонимической системе башкир. Ср. имена и фамилии современных башкир: *Хозайбирзе*, *Хозайбирзин* (от *хозай* + *бирзе* ‘данный худаям, богом’), *Хозайгол*, *Хозайголов* (от *хозай* + *кол* ‘раб худая, бога’), *Хозайзатов* (от *хозай* + *зат* ‘род худая, бога’), *Хозайназаров* (от *хозай* + *назар* ‘взгляд худая, бога’) и др.

Проникновение теонима *хозай* ‘худай / кудай’ в тюркские языки, как и называемого им божества к тюркам, авторы VI тома «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» Р. А. Тадинова и З. Н. Экба считают поздним и связывают с влиянием ислама [Тадинова, Экба, 2006, 567–568]. Однако, на наш взгляд, башкирская лексема *хозай* ‘худай’, как и сам персонаж, по-видимому, имеют

¹ Слова *аллах*, *кудай / худай*, *тенгри* заимствованы русским языком.

более глубокие корни на исконной почве. Об этом свидетельствует, во-первых, довольно активное употребление лексемы *хозай* 'худай' в диалектах башкирского языка, во-вторых, представленность слова в башкирской фразеологии. Ср.: *хозай бәндәһе* 'раб божий', *хозайзың ҡушыуы* 'божье повеление', *йә хозай* 'о боже', *хозай курһәтмәһен* 'не дай бог', *хозай ғына белә* 'одному богу известно', *хозай һаклаһын* 'боже упаси' и др.

Сюда следует добавить и то, что в современной башкирской прозе наиболее частотным из всех теонимов является *хозай*. В качестве примера можно привести роман-трилогию башкирского прозаика Г. М. Якуповой «Катындар» <Женщины>. Только в первой части этого романа теоним *хозай* имеет более ста словоупотреблений.

Как уже говорилось, лексемы *хозай* и *алла* являются синонимами. Однако отдельные фразеологизмы в башкирском языке употребляются только с лексемой *хозай*. К числу таковых можно отнести паремию *Ашау — байзан, үлем — хозайзан* <Еда — от хозяина, смерть — от бога>, в которой слово *хозай* нельзя заменить ни лексемой *алла* 'аллах', ни словом *тәңре* 'тенгри'. На то, что персонаж по имени *хозай* имеет глубокие корни в башкирской мифологии, указывает и исключительно положительное отношение к нему в башкирской народной культуре. Например, в башкирском языке вполне возможны такие паремии, как *Аллаһы — муллаға, муллаһы — аллага һылтар* <Аллах — на муллу, мулла — на аллаха [ссылается]>; *Аллага ышанып, ас калған* <Понадеявшись на бога, остался голодным> и др. Однако ни в этих, ни в других паремиях употребление вместо лексемы *алла* слова *хозай* невозможно.

Изложенные факты говорят о том, что у башкир отношение к худаю было более трепетным и сакрализированным, нежели к Аллаху, и это не случайно. Как известно, в этногенезе башкирского народа, по мнению археологов, принимали участие не только тюркоязычные, но и древние ираноязычные племена. Повидимому, эти племена еще в доисламскую эпоху оказали определенное влияние на духовную культуру, в том числе на мифологию башкир. Изложенные факты позволяют предположить, что мифический персонаж худай, его название (*хозай*), а также антропонимы, включающие соответствующий компонент, у башкир восходят к доисламской эпохе, тем более что данный персонаж зафиксирован у южносибирских тюрков, которые никогда не были мусульманами.

Наряду с личными именами и фамилиями, включающими в свой состав теонимы *аллах* и *худай*, в формулярных списках, как уже отмечалось, встречаются антропонимы с компонентом *тәңре* 'тенгри'. Ср.: *Давлетшиа Тангрыбердин* (от *тәңре* + *бирзе* 'данный тенгри, богом') *сын* — зауряд-сотник 9-го кантона; *Танрыкулуй* (от *тәңре* + *колой / кол* 'раб тенгри, бога') *Ирдыкаев* — башкир-казак из деревни Ибрагимова 3-го башкирского кантона и др.

Слово *тәңре* 'тенгри, божество, верховное божество, бог неба' и его фонетические варианты зафиксированы почти во всех тюркских и монгольских языках,

а также в китайском и шумерском. Эта лексема, по мнению ряда исследователей, имеет праалтайское происхождение [Благова, 2006, 567–652].

В башкирской мифологии *тәңре* ‘тенгри’ — бог, аллах, всевышний, создатель мира. Он живет на небе и управляет всем. Хотя он невидим, известно, что у него есть жена — земля, следовательно, тенгри у башкир выступает как мужской персонаж. В начале X в. Ибн-Фадлан отметил, что башкиры поклоняются двенадцати божествам, самое великое из них — *Кук тәңре* ‘тенгри неба’, вместе с другими божествами управляющее миром [Ковалевский, 1956, 131].

В современном башкирском языке слово *тәңре* встречается в словосочетаниях, пословицах и поговорках (*Оло тәңре* ‘верховное божество’; *Курше хақы — тәңре хақы* <Право соседа — право тенгри> ‘добрососедские отношения превыше всего’; *Тәкә мөгөзө тәңрегә теймәс* <Козел рогами не достанет (не дотянется) до тенгри> ‘тенгри неуязвим’), а также в составе современных антропонимов: *Тәңребирзе* (от *тәңре* ‘тенгри’ и *бирзе* ‘дал’), *Тәңрегол* (от *тәңре* ‘тенгри’ и *гол* ‘раб’) и др.

Кроме божества неба *тәңре*, башкиры, как и древние тюрки, поклонялись божествам солнца — *кояш / көн тәңре*, луны — *ай тәңре*, молнии — *йәшен тәңре*, ветра — *ел тәңре*, дождя — *ямгыр тәңре* и др. Об этом свидетельствуют письменные и фольклорные источники. Как уже говорилось выше, в «Записках» Ибн-Фадлана упоминается двенадцать божеств средневековых башкир: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господь, у лета господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них...» [Там же]. Аналогичные взгляды башкир нашли отражение в мифологическом кубаире — эпосе «Урал-батыр». В эпосе повествуется о владыке всего мира — царе Самрау, который является богом неба и птиц, отцом небесных девушек-птиц Хумай и Айсылу, мужем богинь солнца — Кояш и луны — Ай [Урал-батыр, 468].

Судя по материалам письменных источников, названия большинства доисламских божеств нашли отражение в личных именах башкир XVIII–XIX вв. Ср. антропонимы в «Формулярном списке 9-го кантона», производные от таких лексем, как *кояш / көн* ‘солнце’, *ай* ‘луна, месяц’, *ямгыр / яуын* ‘дождь, осадки’, *буран* ‘буран’, *таң* ‘заря’, *томан* ‘туман’: **Куяшев** Бирдегул (от *кояш* ‘солнце’), **Кунтуган** Дуванов (от *көн* ‘солнце’ + *туган* ‘родился’), **Айбашев** Янаберды (от *ай* ‘луна, месяц’ + *баш* ‘голова, начало’), **Айслубика** (от *ай* ‘луна, месяц’ + *слу / сылыу* ‘красавица’ + *бикә* ‘женщина, госпожа, хозяйка’) — жена зауряд-есаула юрты № 32 9-го башкирского кантона Байрамгула Танатарова сына Агишева, **Ямгурчин** Кутлузаман Зулкарнеев сын (от *ямгырсы* ‘тот, кто вызывает дождь’), **Яумбаев** Абизар (Абузар) (от *яуын* ‘дождь’ + *бай* ‘мужчина, богач’), **Буранбаев** Мухаметгалий Буранбаев сын (от *буран* ‘буран’ и *бай* ‘мужчина, богач’), **Бурангулов** Мухаметкарим **Бурангулов** сын (от *буран* ‘буран’ + *кол* ‘раб’),

Буранбике — жена башкира 9-го кантона (от *буран* ‘буран’ и *бикә* ‘женщина, госпожа, хозяйка’), **Танатаров Ильяс Танатаров сын** (от *таң* ‘заря’ + *атыр* ‘наступит’); **Туманчин Загофер Мамбетчуринов сын** (от *томансы* ‘вызывающий туман’) и др.

Безусловно, появление большинства подобных имен связано с поклонением небу, с культом сил природы у башкир. Такие имена носят характер оберега. Покровительство божеств, хозяев тех или иных небесных сил, природных явлений могло, по представлениям древних башкир, наделять ребенка долголетием, здоровьем, жизненной силой.

2. Вторая группа — мифологически маркированные антропонимы, включающие в свой состав компоненты-ц в е т о о б о з н а ч е н и я *ак* ‘белый, чистый, священный’ и *кара* ‘черный, нечистый, твердый, настоящий’, ср.: **Акбулатов Тиммербулат Акбулатов сын** (от *ак* ‘белый’ + *булат* ‘булат, сталь’), **Акбике** — жена зауряд-есаула Алибека Зюмалева сына Зиянова (от *ак* ‘белый’ + *бикә* ‘женщина, госпожа, хозяйка’), **Мамбет Карагузин сын** (от *кара* ‘черный’ + *хужа* ‘мужчина, господин, хозяин’), **Карачач** — жена хорунжего Мухаметшарифа Айтуганова сына Токчурина (от *кара* ‘черный’ + *сәс* ‘волосы’).

Компонент *ак* входит также в состав зафиксированных в «Формулярном списке 9-го кантона» антропонимов *Аккиек* (*ак* + *киек* ‘зверь’), *Аксултан* (*ак* + *султан* ‘султан’), *Аксай* (*ак* + *сай* ‘сова’), *Аккубек* (*ак* + *кубек* ‘собака’), *Аккилды* (*ак* + *килды* ‘пришел’), *Аккусюк* (*ак* + *кусюк* ‘щенок’), *Аккулов* (*ак* + *кул* ‘раб’), *Аккузин* (*ак* + *куза* / *хужа* ‘мужчина, господин, хозяин’), *Акчура* (*ак* + *чура* ‘воин, батыр’), *Акъяюлов* (*ак* + *юл* ‘дорога’), *Актишинов* (*ак* + *тиин* ‘белка’), *Аклу* (*ак* + *слу* ‘красавица’); компонент *кара* встречается в антропонимах *Карабаев* (*кара* + *бай* ‘мужчина, хозяин’), *Каракаев* (от *каракай* ‘чернявый’), *Карасманов* (от *карасман* ‘черномазый’), *Карасбаев* (от *карас* ‘черномазый’ + *бай* ‘мужчина, хозяин’), *Карабике* (*кара* + *бике* ‘госпожа’), *Каракаш* (*кара* + *каш* ‘брови’) и др.

В башкирской мифологии белый цвет и называющее его слово *ак* ‘белый’ является символом чистоты, святости, верхнего мира и света, счастья и удачи, благополучия и достатка. Об этом свидетельствует как фольклорно-этнографический, так и языковой материал. Ср. названия мифических персонажей с элементом *ак*: *ак балык* <белая рыба> ‘священная рыба-царь’, *ак / кук буре* <белый / сивый волк> ‘мифический волк-предводитель, прародитель’, *ак йылан* <белая змея> ‘царь змей, делающий богатым и счастливым того, кто найдет его рожок’, *акбузат* <белая / сивая лошадь> ‘крылатый небесный конь, помощник богов и демиургов’. Положительные коннотации имеют и другие словосочетания с элементом *ак* ‘белый’ в башкирском языке: *акһакал* <белая борода> ‘аксакал, уважаемый, авторитетный старик’, *ак инәй* <белая мать> ‘уважаемая пожилая женщина’, *Агизел* <Белая река> ‘Агидель’ — священная река башкир, р. Белая, приток р. Камы, протекающий по территории Башкортостана [Матвеев, 2008, 35] и др.

Черный цвет является одним из наиболее символически нагруженных и имеет в башкирской мифологии как положительную, так и отрицательную символику. В именах башкир цветообозначение *кара* обладает значением ‘сильный, крепкий, могучий, твердый, настоящий’. Большинство личных имен с компонентом *кара* у башкир появилось с целью обеспечить ребенку здоровье, крепость, силу, ср. *Карабай* (от *кара* ‘настоящий, твердый’ и *бай* ‘мужчина, бей, богач, хозяин’), *Карагужа* (от *кара* ‘настоящий, твердый’ и *хужа* ‘хозяин, мужчина, покровитель’) и др. Ср. еще паремии с лексемой *кара*, имеющей положительную семантику: *Ак кеше — сак кеше, кара кеше — нык кеше* <Светлый человек — слабый человек, смуглый человек — прочный (твердый) человек>; *Кара кешенең тире сыпкансы, һары кешенең йәне сыпкан* <Пока у смуглого человека пот выступит, светлый умрет> и др.

В связи с тем, что черный цвет имеет и отрицательную символику, с ним соотносятся многие персонажи нижнего мира. В частности, дух-хозяин озера Аслыкуль в кубаире — эпосе «Заятуляк и Хыхылыу» предстает в черном одеянии, на луке его седла сидит черный сокол. В других эпосах и сказках именно в черных, темных лесах, пещерах живут обитатели нижнего мира. В черного козленка превращается в мифологических рассказах шайтан во время грозы и т. д. [см.: Хисамитдинова, 2010, 456]. Отрицательную семантику имеет и цветообозначение *кара* ‘черный’ в башкирском языке, ср.: *карабуран* (от *кара* ‘черный, злой, плохой’ + *буран* ‘буран’) ‘вихрь’, *карабизәү* (*кара* + *бизәү* ‘бесплодная’) ‘никогда не рожавшая’, *кара хәбәр* (*кара* + *хәбәр* ‘весть’) ‘дурная весть’ и т. д. Это позволяет предположить, что часть антропонимов с компонентом *кара* ‘черный’ может иметь отрицательную семантику. К таковым можно отнести антропонимы типа *Карасман* ‘черномазый’ и др., призванные отпугивать злых сил.

(Ср. и другие известные имена-обереги у башкир: *Эталмас* ‘собака не возьмет’, *Тазбикә* ‘паршивая женщина (госпожа)’, *Күтән* ‘прямая кишка’ и др. Аналогичные имена, как отмечает Г. Ф. Благова, были характерны для многих народов Евразии. Целью появления «плохих» имен была защита ребенка от злых духов [Благова, 2006, 734–735]).

3. Третья группа имен-оберегов, зафиксированных в «Формулярном списке 9-го башкирского кантона», — это имена, включающие в свой состав мифологизированные наименования металлов: *алтын* ‘золото’, *кәмөш* ‘серебро’, *тимер* ‘железо’ и др. Ср.: *Темирбаев* (от *тимер* ‘железо’ + *бай* ‘мужчина, муж, богач, хозяин’), *Хасан Темирбулатов* (от *тимер* ‘железо’ + *булат* ‘булат, сталь’), *Темиргалий* (от *тимер* ‘железо’ + *гәли* ‘дорогой’), *Алтынбикә* (от *алтын* ‘золото’ + *бикә* ‘женщина, госпожа, хозяйка’) — имя жены писаря Даута Кадыргалиева, *Алтунчач* (от *алтын* ‘золото’ + *сәс* ‘волос’) — имя жены башкира Темирбулата Акбулатова, *Мухаметша Кумышбаев* (от *кәмөш* ‘серебро’ и *бай* ‘мужчина, хозяин, муж, богач’), *Кумышбике* (от *кәмөш* ‘серебро’ и *бикә* ‘женщина, госпожа, хозяйка’) — имя жены башкира 9-го кантона и др.

Металлы являются символом крепости, твердости, неуязвимости. Поэтому появление их наименований в составе антропонимов обычно связано с пожеланием ребенку здоровья, крепости того или иного металла.

Золото в башкирской мифологии связано с верхним миром и с его божествами. Так, золотыми представляются волосы богини солнца Кояш и небесной девушки-лебедя Хумай, которая, согласно эпосу «Урал-батыр», является дочерью бога неба и птиц Самрау и Солнца-Кояш. Вот что говорит девушка-лебедь о своих волосах: «Если волосы разовью, Лучами златыми всю землю залью» [Урал-батыр, 456].

По представлениям башкир, мифологическое происхождение имеет Полярная звезда, которая в диалектах называется *Алтын казык йондозо* <звезда Золотой кол> [Хисамитдинова, 2010, 26]. Золото у башкир имеет и целебную силу — применяется в народной медицине. Золотые кольца, цепочки использовались как оберег у мужчин. Широко известны и другие коннотации золота — его связь с властью, величием, благополучием.

В башкирской антропонимии XVIII–XIX вв. значимое место занимают имена с компонентом *кәмөш* ‘серебро’. В частности, в формулярном списке фиксируются такие личные имена, как *Күмуш* (от *кәмөш* ‘серебро’), *Күмушбай* (*кәмөш* + *бай* ‘мужчина, хозяин, муж, богач’), *Күмушкул* (*кәмөш* + *кул* ‘раб’), *Күмушбану* (*кәмөш* + *бану* ‘хозяйка’), *Күмушбике* (*кәмөш* + *бике* ‘госпожа’), *Күмушнур* (*кәмөш* + *нур* ‘луч’) и др.

У башкир серебро является наиболее распространенным металлом — оно выполняет охранительную и очистительную функции, применяется в обычаях и обрядах, в народной медицине. Так, например, для благополучия дома, притягивания счастья, изобилия на фундамент и маточную балку при строительстве нового дома клали серебряные монеты. Для получения благословения духа воды, родника молодые снохи бросали в колодец или родник серебряную монету. Серебряные украшения составляли большую часть приданого невесты. Серебряные изделия носили от сглаза и нечистой силы.

В мифологии башкир серебро имеет сложную символику: обычно оно связано с водой, луной, нижним миром, однако в некоторых жанрах фольклора, в частности в заговорах, — еще и с солнцем. Так, при сильных сглазах детей отдельные группы башкир обращались к божеству (духу) солнца *Кәмөшбикә* или *Кәмөш Көнтэй хэзрэт* с молитвой снять сглаз и спасти ребенка. При этом, говоря *көн эйһе Кәмөшбикәгә азығын бирәм* <духу солнца Күмушбике даю пищу>, совершали жертвоприношение — забивали курицу [Там же, 149].

Особое место в именнике башкир, отраженном в «Формулярном списке 9-го кантона», занимают антропонимы с компонентом *тимер* ‘железо’. Ср.: **Темиров** (от *тимер* ‘железо’) *Бикташ*, **Таитемиров** (от *таш* ‘камень’ + *тимер*) *Сейтбаттал*, **Темирбаев** (*тимер* + *бай* ‘мужчина, хозяин, муж, богач’) *Хасан*, **Темирбулатов** (*тимер* + *булат* ‘булат, сталь’) **Темиргалий** (*тимер* + *гәли* ‘дорогой’) и др.

Железо у башкир фигурирует в обычаях и обрядах, заговорах и сказках, в легендах и эпосе. Отмечаются такие его качества, как твердость, неуязвимость, связь с огнем, солнцем. В частности, во время града башкиры выбрасывали на улицу железные предметы, при кружении вихря на него бросали нож или ножницы. Если оставляли новорожденного, роженицу, а также покойника одного, то на их грудь или под голову клали нож или ножницы. Во время эпидемий в порог дома забивали железные штыри или гвозди. Домашний скот от болезней оберегали коса, вилы и другие металлические орудия труда. Башкиры поклонялись духу железа *Тимер эйәһе*, которому на высокой горе приносили в жертву коней сивой или рыжей масти, если начинали ломаться железные орудия труда. Поэтому появление «железных» имен у башкир, безусловно, связано с культом железа, верой в духа железа. Покровительство этого духа могло обеспечить ребенка здоровьем, крепостью, силой, отвагой и другими качествами воина [Хисамитдинова, 2010, 297–298].

4. Важное место в именнике башкир, зафиксированном в формулярных списках, занимают личные имена, связанные с тотемными птицами, животными и растениями. В частности, нам встретились антропонимы с компонентами *эт* ‘собака’ (*Итбаев Каипкул*, *Нигматуллин Итжан*), *кәсәк* ‘щенок’ (*Кучуков Мрякай*), *кәбәк* ‘собака’ (*Кубяков Юсуп*), *арыслан* ‘лев’ (*Арслан Кинжебаев*), *һыртлан* ‘гиена’ (*Сыртланов Музафар*), *шоңкар* ‘кречет’ (*Мухаметзямил Шункаров*), *туғызак* ‘дрофа’ (*Тугызак Хаирзаманов*), *тойгон* ‘белый кречет’ (*Туйгун Суярметев сын*) и др.

В башкирской мифологии животные и птицы обычно выполняют две основные функции. Во-первых, они являются прародителями, первопредками, тотемами того или иного рода. У каждого рода и племени башкир были свои тотемные животные и птицы. Так, например, тотемная птица башкир племени усерган — журавль (*торна*), у айлинцев — орел (*бөркәт*), у минцев — ястреб (*карсыга*), у катайцев — аист (*каузы*) и т. д. Во-вторых, животные выступают помощниками богов и людей. Они вместе с богами, демиургами участвуют в создании вселенной, сотворении мира, людей, животных, птиц и растений. Так, например, в кубаирах — эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат» — конь Акбузат принимает участие в сотворении мира, девушка-лебедь Хумай приводит на Урал животных и птиц. В «Записках» Ибн-Фадлана журавли своим криком изгоняют врагов с земли башкир. В башкирских легендах кони-тулпары, волки и медведи принимают участие в создании человека и т. д. [БНТ, 106, 110–111; Хисамитдинова, 2010, 303].

Первопредки, прародители, тотемы как создатели и покровители башкир занимали важное место в мифологических воззрениях башкирского народа. Появление тотемных имен, восходящих к названиям животных и птиц, является отражением этих представлений. Покровительство тотема могло обеспечить неуязвимость, силу, здоровье ребенку. Тотемные имена оберегали, охраняли человека от нечистых сил и болезней.

Интересно отметить, что аналогичные взгляды, связанные с тотемными именами, встречаются в мифологии древних и современных тюрков. Так, например, в «Родословной туркмен» Абулгази-хана приведены названия 24 птиц-онгонов (тотемов) тюрков-огузов. Среди них отмечены птицы, которые являются тотемными и у башкир. Ср.: туркм. *Şunkar* — башк. *шоңкар* ‘кречет’, туркм. *Bürküt* — башк. *бөркөт* ‘орел’, туркм. *Toygun Kus* — башк. *тойгон* ‘белый кречет’, туркм. *Karcıgay* — башк. *карсыга* ‘ястреб’, туркм. *Turumtay kusu* — башк. *торомтай* ‘пустельга’ и др. [Хисамитдинова, 2011, 8–9].

Тотемами были не только животные, но и растения. Названия растений-тотемов также могли войти в состав личного имени человека, ср. *Арна* ‘ячмень’, *Имәнбай* (от *имән* ‘дуб’ + *бай* ‘мужчина, хозяин, муж, богач’), *Байтиряк* (от *бай* ‘мужчина, хозяин, муж, богач’ + *тиряк* ‘дерево, тополь’), *Муйылбикә* (от *муйыл* ‘черемуха’ + *бикә* ‘женщина, госпожа, хозяйка’) и т. д.

5. Небольшая группа имен и фамилий, зафиксированных в «Формулярных списках 9-го башкирского кантона», связана с временными и пространственными представлениями башкир. Ср.: *Тунбике* (от *төн* ‘ночь’ + *бикә* ‘женщина, госпожа, хозяйка’), *Юлбай* (от *юл* ‘дорога’ + *бай* ‘мужчина, хозяин, муж, богач’), *Йумагужа* (от *йома* ‘пятница’ + *гужа* / *хужа* ‘хозяин’) и др. В документах встречаются также антропонимы, восходящие к названиям тех или иных праздников, событий в жизни башкирского общества: *Уракбай* (от *урак* ‘серб’ + *бай* ‘мужчина, хозяин, муж, богач’), *Миркурбан* (от *мир* ‘мир’ + *курбан* ‘жертва’), *Наурузжан* (от *науруз* ‘название праздника’ + *жан* ‘душа’), *Курманбике* (от *курбан* ‘жертва’ + *бикә* ‘женщина, госпожа, хозяйка’) и др.

Подводя итоги, можно констатировать, что в именнике башкир XVIII–XIX вв. нашли отражение самые разные мифологические воззрения, восходящие как к древнейшему, так и к средневековому периодам развития башкирского общества.

Азнабаева А. Ф. Современное состояние и тенденции имянаречения в полиэтническом социуме (на материале русского, башкирского, татарского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2006.

Благова Г. Ф. Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений древних тюрков об окружающем мире // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Прагюрский язык-основа. Картина мира прагюрского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М. : Наука, 2006.

БНТ — Башкирское народное творчество. Легенды и предания / сост. Ф. А. Надршина. Уфа : Китап, 1987.

- Ильясова А. Я., Гатиатуллин З. Г.* Документы и материалы по истории башкирского народа. Формулярные списки о службе чиновников башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы : в 2 кн. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012–2014.
- Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков : Харьк. ун-т, 1956.
- Кусимова Т. Х.* Исемдәр донъяһында: башкорт исемдәре һүзлеге, башкорт һәм рус телдәрәндә. Өфө : Китап, 1991.
- Кусимова Т. Х., Бикколова С. Ә.* Башкорт исемдәре. Өфө : Китап, 2010.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала : топоним. словарь. Екатеринбург : Сократ, 2008.
- Раемгужина З. М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2009.
- Сулейманова Р. А.* Антропонимы современного башкирского языка и тенденции их развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2006.
- Тадинова Р. А., Экба З. Н.* Тюркские общие духовные понятия и ритуалы // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М. : Наука, 2006.
- Тәһәев С. Х.* Башкорт фамилиялары. Өфө : Китап, 2008.
- Тупеев С. Х.* Башкирский именник. Справочник личных имен с написанием вариантов на русском и башкирском языках. Уфа : Китап, 2004.
- Урал батыр. Башкорт халык кобайыры. = Урал-батыр. Башкирский народный эпос. = Ural-batur. *Ural-batur Folk Epic* / ред. Ф. А. Надршина. 2-е изд., стер. Уфа : Информреклама, 2005.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Словарь башкирской мифологии. Уфа : ИИЯЛ, 2011.
- Хисамитдинова Ф. Ф., Тәһәев С. Х.* Төрки сығанаклы һәм төрки элементлы башкорт исемдәре. Өфө : РФА ӨҒҮ ТТӘИ, 2006.

Рукопись поступила в редакцию 02.03.2016

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков

башк. башкирский язык
туркм. туркменский язык

* * *

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института истории, языка и литературы УНЦ РАН 450054, Уфа, пр. Октября, 71 E-mail: hisamitdinova@list.ru	Khisamitdinova, Firdaus Gilmitdinovna DrHab, Professor, Scientific Director Institute of History, Language and Literature, Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences 71, Oktyabr Ave., 450054 Ufa, Russia E-mail: hisamitdinova@list.ru
---	---

Firdaus G. Khisamitdinova

Institute of History, Language and Literature,
Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia

**ON THE REFLECTION OF MYTHOLOGICAL BELIEFS
IN THE ANTHROPONYMIC SYSTEM OF BASHKIRS**

(Based on *Service records of the officers and clerks of the 9th Bashkir Canton as of 1837*)

The article focuses the mythological beliefs of Bashkirs as reflected in historical anthroponymy using as its main source the document entitled *Service records of the officers and clerks of the 9th Bashkir Canton as of 1837*. The author considers more than 40 000 personal names and surnames of the 18th–19th centuries paying particular attention to those that contain mythologically marked items reflecting the remotest religious beliefs of Bashkirs. The analysis of anthroponymic data reveals the ancient Bashkirs' views about gods and divine beings of both the pre-Islamic era and the period that followed the adoption of Islam. Specifically, the author investigates into the ancient Bashkirs' concept of the presiding deity *Tengri* and provides a comparative analysis of the beliefs relating to the gods *Khuday*, *Allah*, *kun / koyash* 'sun', *ay* 'moon', and others. The names retrieved from the studied document enable to reveal the culturally induced connotations of the colour terms *ak* 'white' and *kara* 'black' as parts of anthroponyms. They were associated with the concepts of purity, holiness, strength and courage and sometimes served as a kind of protective charm. The Bashkir anthroponymy reflects some ancient beliefs related to metals. For example, the word *altyn* 'gold' is closely associated with the upper world, that of the sky and the sun. The 18th–19th centuries Bashkir stock of personal names contains a wide range of names associated with totem animals, birds, trees and other plants that were given to children to protect them from sinister forces. It also contains names that reflect the ancient Bashkirs' beliefs about time and space.

Key words: Bashkir language, historical anthroponymy, mythology of the ancient Bashkirs, service records, mythological vocabulary.

Aznabaeva, A. F. (2006). *Sovremennoe sostoyanie i tendentsii imyanarecheniya v polietnicheskom sotsiume (na materiale russkogo, bashkirskogo, tatarskogo i nemetskogo yazykov)* [Naming in a Multi-Ethnic Society: Current State and Trends. With Reference to the Russian, Bashkir, Tatar and German Languages] (doctoral dissertation summary). Ufa: Bashkir State University.

Blagova, G. F. (2006). *Antroponimicheskaya sistema kak proektsiya kosmologicheskikh i sotsialnykh predstavleniy drevnykh tyurkov ob okruzhayushchem mire* [Anthroponymic System as a Projection of the Cosmological and Social Beliefs of Ancient Turks]. In E. R. Tenishev, & A. V. Dybo (Eds.), *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [A Comparative and Historical Grammar of the Turkic Languages. The Turkic Proto-Language. The World View of Turkic Ethnic Groups according to Linguistic Data]. Moscow: Nauka.

Ilyasova, A. Y., & Gatiyatullin, Z. G. (2012–2014). *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (1836–1842). Formulyarnyye spiski o sluzhbe chinovnikov bashkiro-mescheryakskogo voyska za 1836–1842 gody* [Documents and Materials on the History of the Bashkir People (1836–1842).

- Service Records of Officials of the Bashkir-Mishar Troops of 1836–1842] (Vols. 1–2). Ufa: IYAL UNC RAN.
- Khisamitdinova, F. G. (2010). *Mifologicheskiy slovar bashkirskogo yazyka* [A Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka.
- Khisamitdinova, F. G. (2011). *Slovar bashkirskoy mifologii* [A Dictionary of Bashkir Mythology]. Ufa: IYAL.
- Khisamitdinova, F. G., & Topejev, S. Kh. (2006). *Torki siganakli ham torki elementli bashkort isemdere* [Bashkir Names of Turkic Origin]. Ufa: IYAL UNC RAN.
- Kovalevsky, A. P. (1956). *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Statyi, perevody i kommentarii* [The Book of Ahmad Ibn Fadlan on his Journey to the Volga in 921–922. Articles, Translations and Commentary]. Kharkov: Kharkovskij Universitet.
- Kusimova, T. Kh. (1991). *Isemder donjahinda: Bashkort isemdere khuzlege. Bashkort hem rus teklerende* [In the World of Names: A Dictionary of Bashkir Names in the Bashkir and Russian Languages]. Ufa: Kitap.
- Kusimova, T. Kh., & Bikkulova, S. A. (2010). *Bashkort isemdere* [Bashkir Names]. Ufa: Kitap.
- Matveyev, A. K. (2008). *Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar* [Geographic Names of the Ural: A Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg: Sokrat.
- Nadrshina, F. A. (Ed.). (1987). *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Legendi i predaniya* [Bashkir Folklore: Legends and Fables]. Ufa: Kitap.
- Nadrshina, F. A. (Ed.). (2005). *Bashkort halyk kobaiyry* [Ural-Batur. Bashkort Folk Epic] (2nd ed.). Ufa: Informreklama.
- Raemguzhina, Z. M. (2009). *Bashkirskiy antroponimikon v svete yazykovoy kartiny mira* [The Bashkir Anthroponymicon in the Light of the Linguistic World View] (habilitation dissertation summary). Ufa: Bashkir State University.
- Suleymanova, R. (2006). *Antroponimy sovremennogo bashkirskogo yazyka i tendentsii ih razvitiya* [Anthroponyms of Modern Bashkir Language and their Development Trends] (doctoral dissertation summary). Ufa: Bashkir State University.
- Tadinova, R. A., & Ekba, Z. N. (2006). Tyurkskie obschie duhovnyie ponyatiya i ritualy [Turkic Common Spiritual Concepts and Rituals]. In E. R. Tenishev, & A. V. Dybo (Eds.), *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [A Comparative and Historical Grammar of the Turkic languages. The Turkic Proto-Language. The World View of Turkic Ethnic Groups according to Linguistic Data]. Moscow: Nauka.
- Tupejev, S. Kh. (2004). *Bashkirskiy imennik. Spravochnik lichnyh imen s napisaniem variantov na russkom i bashkirskom yazykah* [Bashkir Anthroponymicon. A Reference Book of Personal Names with Spelling Variants in the Russian and Bashkir Languages]. Ufa: Kitap.
- Tupejev, S. Kh. (2008). *Bashkort familijalari* [Bashkir Surnames]. Ufa: Kitap.

Received 02 March 2016